

ЗОЛОТОЕ РЫБО

LA POISSON D'OR

№ 1
№ 2

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Художественный отде́ль.

Стр.

I. Виленская коллекция в Румянцевском музее: 35 репродукций с портретов и скульптур	5—28
II. „Октябрьский праздник в Риме“: 5 репродукций с акварелью А. Иванова	31—34
III. Польская старина в Румянцевском музее. Замытка В. М.-и	35
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Деревянная скульптура „Голова женщины“ (фотография).	
2) „Октябрьский праздник в Риме“, акварель А. Иванова (литография).	1
3) Рисунок К. Ф. Юона	15
4) „У лисы бал“—рисунок М. В. Добужинского	17
5) Портрет Ф. Сологуба раб. Б. Кустодиева (трехцветная автотипия).	17
6) К. Д. Бальмонтъ. (Автотипия duplex).	24
Украшения „Хоровода времени“, К. Бальмонта: январь—	
А. Араповъ (37), февраль—В. Дриттенпрейсъ (38), март—К. Юонъ (39), апрель—С. Сулейкинъ (40), май—Н. Крымовъ (41), июнь—П. Уткинъ (42), июль—С. Клюшиковъ (43), август—С. Петровъ (44), сентябрь—М. Добрушинский (45), октябрь—И. Билибинъ (44), ноябрь—А. Гаушъ (47), декабрь—Н. Ульяновъ (48), тринадцатый—В. Масютинъ (49).	
Виньетки Н. Крымова (84, 99), С. Клюшикова (75, 91), В. Масютина (50, 57, 67), Н. Сапунова (35), П. Уткина (63), В. Фишерта (60), Н. Феофилактова (119).	
Заглавный лист художественной части—Вас. Милоти.	
Заглавный лист к акварелимъ А. Иванова: старинная вышивка, надпись Н. П. Ульянова.	
Обложка: виньетка С. Судейкина, надпись—Н. Феофилактова, марка—И. Билибина.	

Литературный отде́ль.

1. К. Д. Бальмонтъ, „Хороводъ времени“, Всегласность, 13 стихотворений	37
2. Ст. Пшибытовскій, „Стезею Каина“, первая пѣснь поэмы „Херувимъ“	50
3. К. Д. Бальмонтъ, „Чувство расы въ творчествѣ“, стат.	58
4. К. Д. Бальмонтъ, „Наше литературное сегодня“. Замѣтка	60
5. Ст. Пшибытовскій, „Къ этикѣ пола“, стат.	63
6. М. Волошинъ, „Откровенія дѣтскихъ игръ“	68
7. П. Муратовъ, „О высокомъ художествѣ“, стат.	75
8. Александръ Блокъ, „Литературные итоги 1907 г.“, стат.	91

Хроника искусствъ.

1. В. К., „Петербургская музыкальная хроника“	101
2. Консій Эрбергъ, „Отчетная выставка въ Академии художествъ“	104
3. А. Ростиславовъ, „Дешевое художество“	105
4. А. Ростиславовъ, „Наброски о художественныхъ дѣлахъ“	106
5. С. Ауслендеръ, „Изъ Петербурга“	107
6. А. Воротниковъ, „Побѣда смерти“, Федора Сологуба, стат.	108
7. Хроника петербургской жизни	108
8. Изъ музыкальной жизни Москвы	110
9. Э. Вальдоръ, „Salon d’automne“ (письмо изъ Парижа)	116
10. Вѣсти отовсюду	117

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

SOMMAIRE.

Partie artistique.

Pages.

I. Collection du musée de Vilna: 35 reproductions de portraits et de sculptures	5—28
II. „Fête d’octobre à Rome“, 5 reproductions des aquarelles de A. Ivanov	31—34
III. Ancienne collection polonaise au Musée Roumiantzev, notice B. M.-i	35
SUPPLÉMENTS: I) Sculpture en bois „Tête de femme“ (phototypie).	
2) „Fête d’octobre à Rome“, aquarelle de A. Ivanov (lithographie).	
3) Dessin—par de C. Iouon.	
4) „Bal chez Maître Renard“—dessin de M. Doboujinsky .	
5) Portrait de Th. Solohoub par B. Koustodiev (autotype en couleurs).	
6) Portrait de C. D. Balmont.	

Ornements pour „La Ronde des Temps“ de C. Balmont:
janvier—par A. Arapov (37), février—par Drittenpreis (38), mars—par K. Iouon (39), avril—par S. Soudeikine (40), mai—par N. Krymov (41), juin—par P. Outkine (42), juillet—par S. Kluschnikov (43), août—par S. Petrov (44), septembre—par M. Doboujinsky (45), octobre—par I. Bilibine (44), novembre—par A. Gausch (47), décembre—par N. Oulianov (48), le treizième—par B. Massutine (49).

Vignettes: N. Krymov (84, 99), S. Kluschnikov (75, 91), B. Massutine (50, 57, 67), N. Sapounov (35), P. Outkine (63), B. Fischer (60), N. Théophilaktov (119).

Entête de la partie artistique par Bas. Milioti.

Entête des aquarelles de A. Ivanov: ancienne broderie, inscription de N. P. Oulianov.

Couverture: vignette de S. Soudeikine, inscription—de N. Théophilaktov, marque—de I. Bilibine.

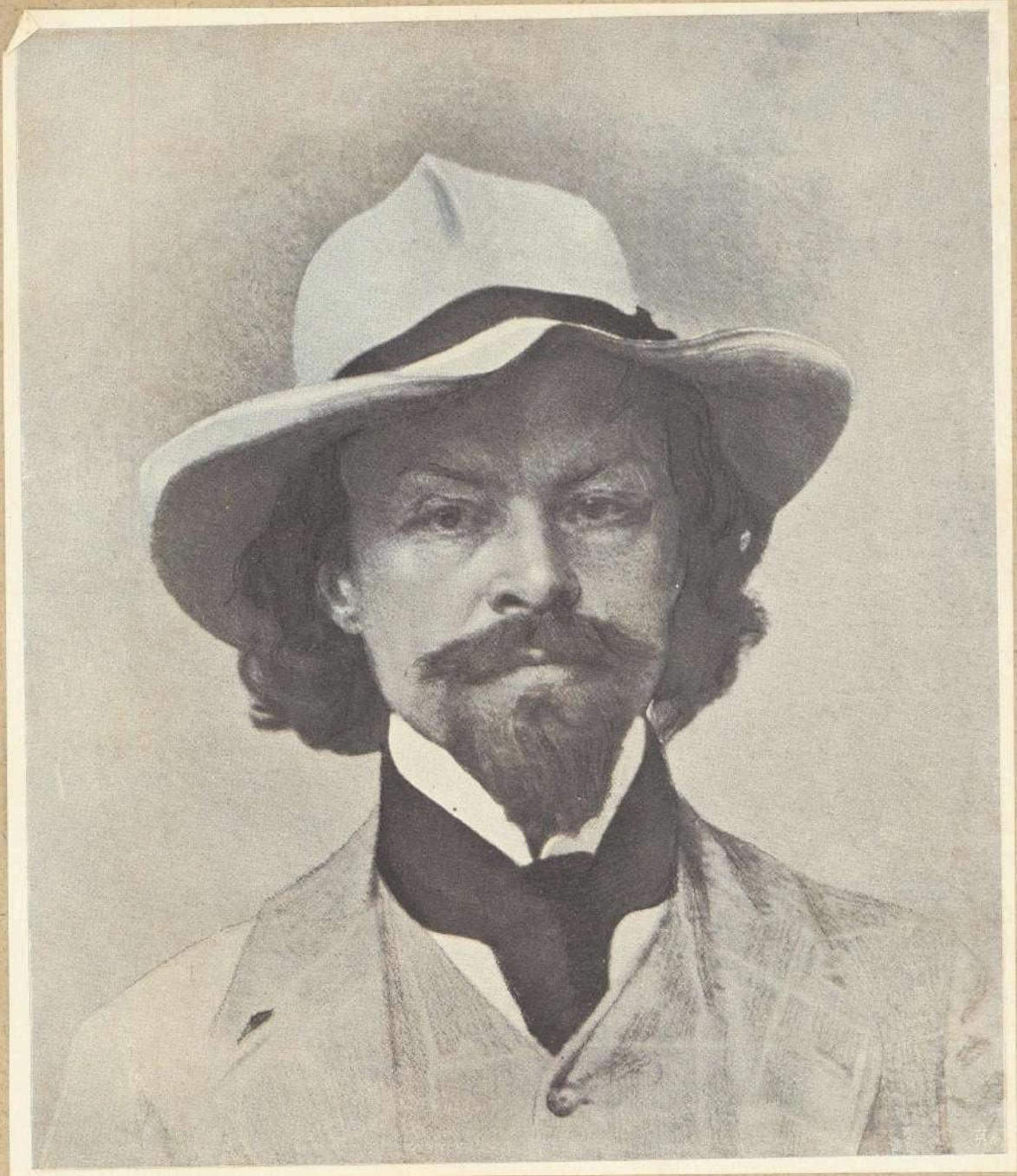
Partie Littéraire.

1. C. Balmont, „La Ronde des Temps“, 13 poésies	37
2. St. Przybyscewsky, „Sur la voie de Cain“, poème .	50
3. C. D. Balmont, „Le sentiment de la race dans la création artistique“, article	58
4. C. D. Balmont, „La littérature d’aujourd’hui“ article .	60
5. St. Przybyscewsky, „L’éthique sexuelle“, article .	65
6. M. Voloschine, „Révélations des jeux d’enfant“, article .	68
7. P. Mouratov, „Le Grand Art“, article	75
8. Alexandre Blok, „Le bilan littéraire de 1907“, article	91

Chronique des arts.

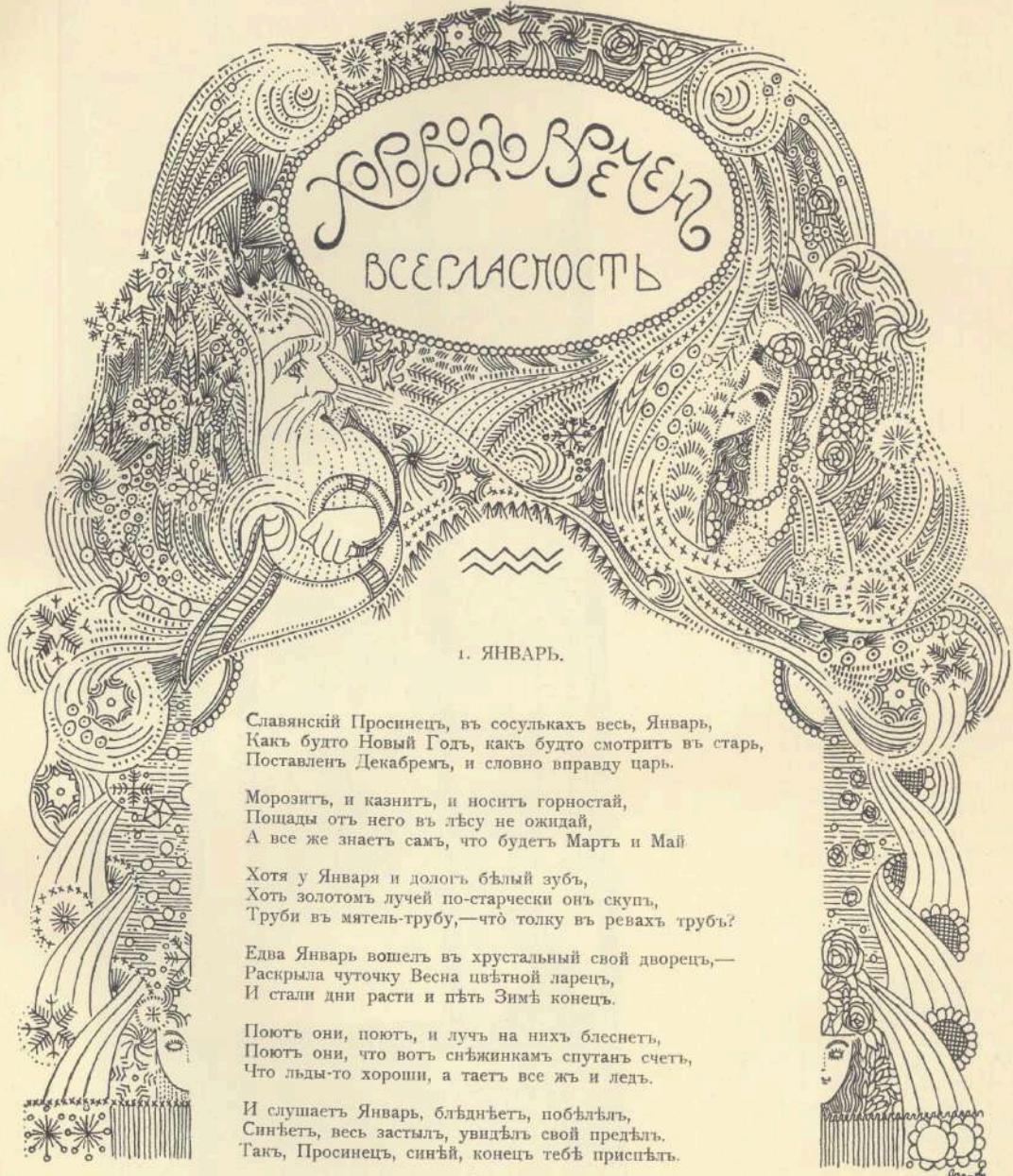
1. V. K., „Chronique musicale de St.-Pétersbourg“	101
2. Const. Erberg, Exposition annuaire à l’Académie des Beaux-Arts	104
3. A. Rostislavov, „Un art facile“	105
4. A. Rostislavov, „Notes sur l’art“	106
5. S. Ausländer, „Lettre de St.-Pétersbourg“	107
6. A. Vorotnikov, „Le triomphe de la mort“ de Théodore Solohtoub, article	108
7. Chronique de St.-Pétersbourg	108
8. La vie musicale à Moscou	110
9. E. Valdor, „Le Salon d’automne“ (lettre de Paris) .	116
10. Nouvelles de partout	117

ANNONCES.

К. Д. Бальмонтъ.
C. Balmont.

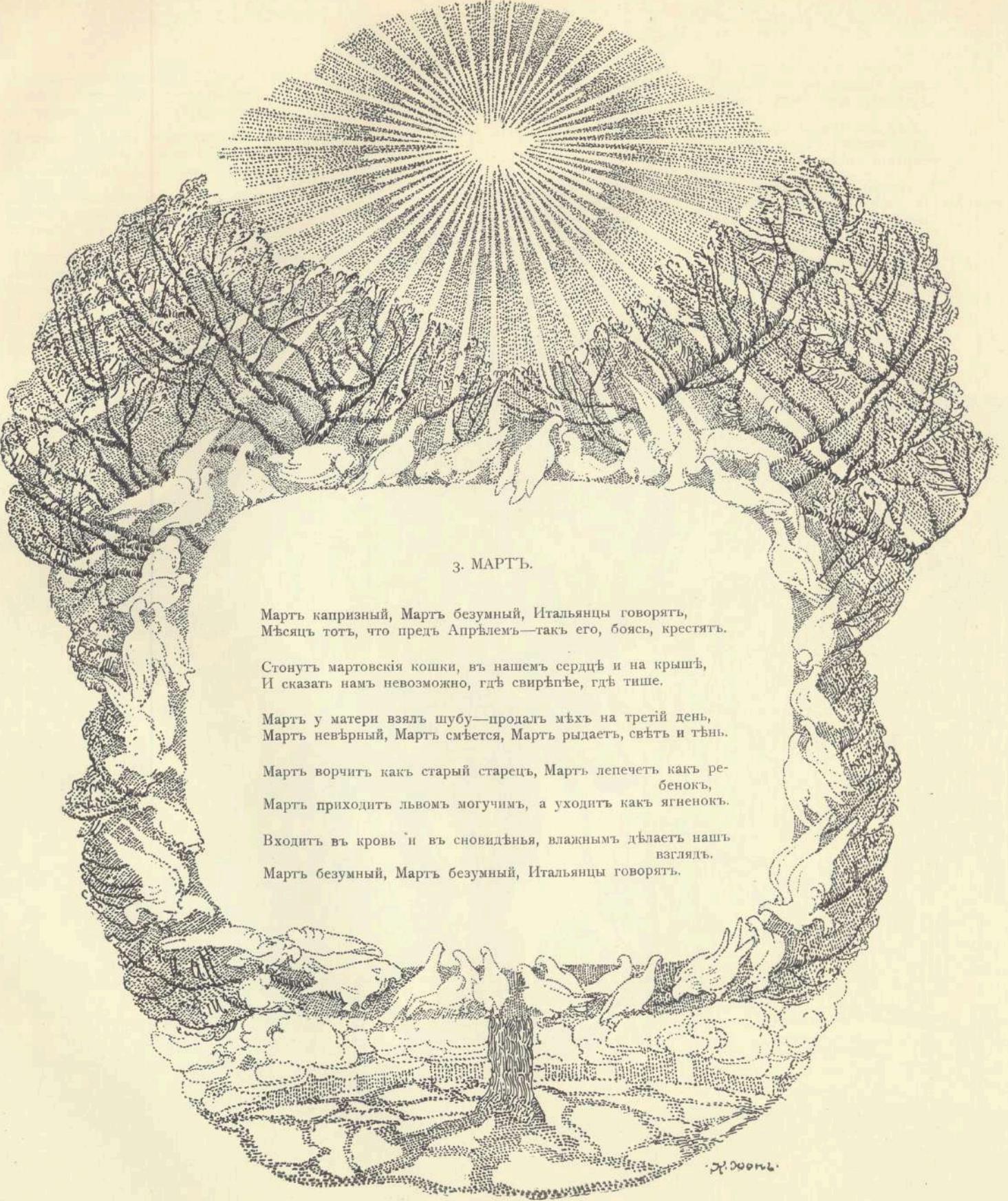
2. ФЕВРАЛЬ.

Февраль—Съченъ, Февраль—печаль,
Короткій день, а дня намъ жаль.
Короткій день, и длится ночь.
Тутъ какъ мѣнять? Тутъ какъ помочь?

Февраль, онъ крутъ, Февраль, онъ лютъ,
Ему лишь вѣтры стихъ поютъ.
Съчеть онъ снѣгомъ лица намъ,
Съчеть онъ зиму пополамъ.

Февраль—предатель. Бойся тотъ,
Кому Февраль тепломъ дохнетъ.
Онъ грѣть часъ, въ обманахъ дней,
Чтобъ ночью было холоднѣй.

З. МАРТЪ.

Мартъ капризный, Мартъ безумный, Итальянцы говорять,
Мѣсяцъ тотъ, что предъ Апрѣлемъ—такъ его, боясь, крестятъ.

Стонуть мартовскія кошки, въ нашемъ сердцѣ и на крышѣ,
И сказать намъ невозможно, гдѣ свирѣпѣ, гдѣ тише.

Мартъ у матери взялъ шубу—продалъ мѣхъ на третій день,
Мартъ невѣрный, Мартъ смѣется, Мартъ рыдаеть, свѣтъ и тѣни.

Мартъ ворчить какъ старый старецъ, Мартъ лепечеть какъ ре-
бенокъ,
Мартъ приходить львомъ могучимъ, а уходитъ какъ ягненокъ.

Входитъ въ кровь и въ сновидѣнья, влажнымъ дѣлаетъ нашъ
взглядъ,
Мартъ безумный, Мартъ безумный, Итальянцы говорять.

4. АПРЬЛЬ.

Апрель—размычный Цвѣтень,
Апрель—сплошной Егорьевъ день,
Въ упорной схваткѣ свѣтъ и тьнь.

Пучинный мѣсяцъ, живъ приливъ,
Разливъ широкъ, потокъ красивъ,
Отъ мига—часть, для новыхъ иниъ.

Постѣднихъ лѣдинокъ тонкій звонъ,
Прилетѣ крылатыхъ завершень,
Поютъ и вѣютъ, вступаютъ въ сонъ.

Но все жъ, хоть много сновъ зажглось,
Двѣнадцать разъ сѣдой Морозъ
Посеребрить луга, откосъ.

И будеть—рыжая Луна,
Врагина грезъ, она страшина,
Цвѣтамъ въ ней ржавчина одна.

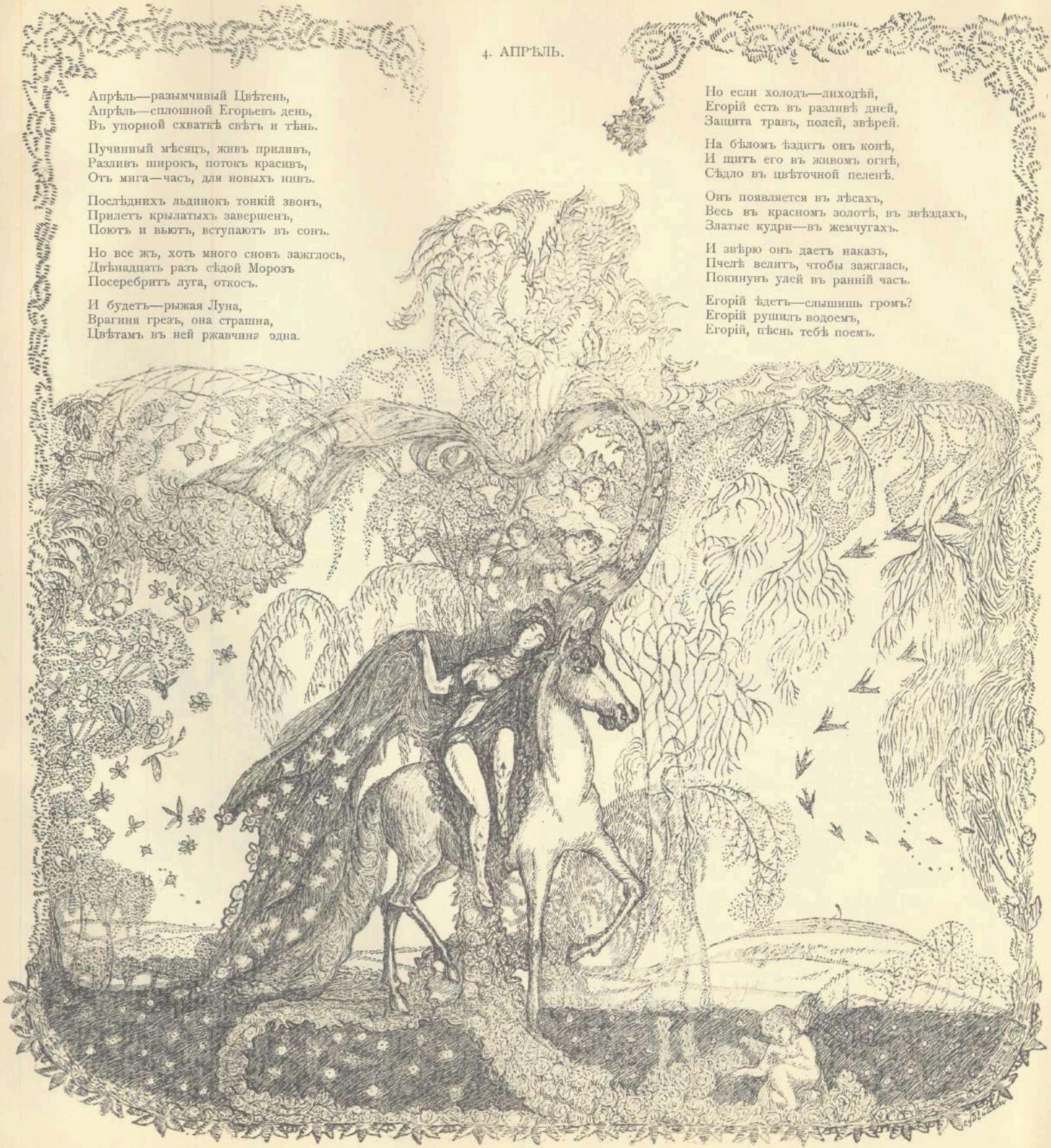
Но если холодъ—лиходѣй,
Егорій есть въ разливѣ дней,
Зашита травъ, полей, звѣрей.

На бѣломъ ъездитъ онъ конѣ,
И щитъ его въ живомъ огнѣ,
Сѣдло въ цвѣточной пеленѣ.

Онъ появляется въ лѣсахъ,
Весь въ красномъ золотѣ, въ звѣздахъ,
Златые кудри—въ жемчугахъ.

И звѣрю онъ даетъ наказъ,
Пчелѣ велитъ, чтобы зажглась,
Покинувъ улей въ ранній часъ.

Егорій ъедетъ—слышишь громъ?
Егорій рушитъ водосмѣтъ,
Егорій, пѣснъ тебѣ поемъ.

5. МАЙ.

Май, Май,
Свѣтлый рай,
Обнимай, да не замай.
Май, Май,
Цвѣтничка,
Въ рощѣ свѣтленкѣй лужокъ.

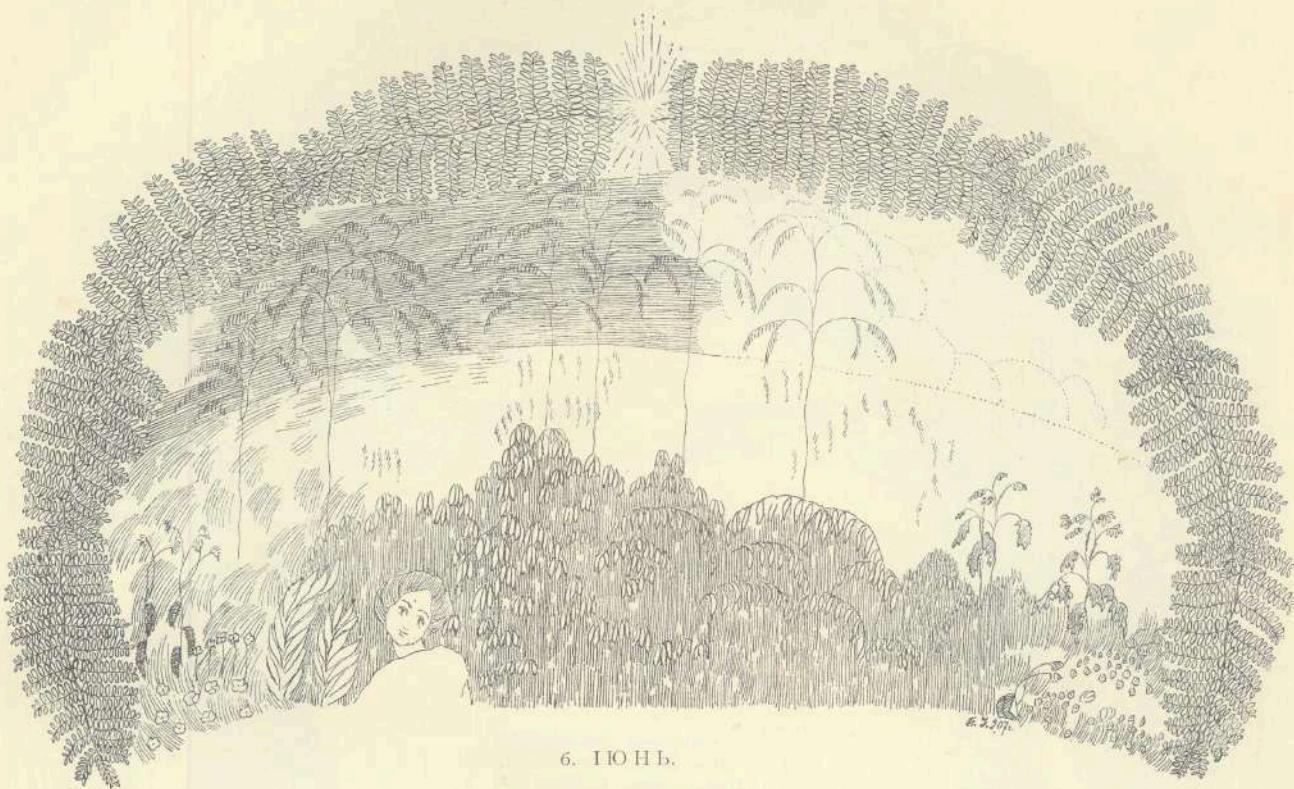
Май, Май,
Свѣжий сонъ,
Колокольцевъ нѣжный звонъ.
Ландышъ здѣсь,
И ландышъ тутъ,
Это ландышы поютъ.

Май, Май,
Нѣжный весъ,
Шопотъ тамъ, и смѣхи здѣсь.
Какъ струна,
Изъ вѣтвей
Звонко кличетъ соловей.

Май, Май,
Ты—Весна,
Ты—окошко для зерна.
Вдругъ пошлеши
Даже снѣгъ,
На часокъ, для большихъ нѣгъ.

Май, Май,
Ты хорошъ,
Не забыть ни цвѣть, ни рожь.
Май, Май,
Ты—уста,
Трепетъ тѣла, красота.

Май, Май,
Въ коношлю,
Въ ленъ влагаетъ ты „Люблю“.
Сказокъ рай,
Урожай,
Поцѣлуй нась, Май, Май.

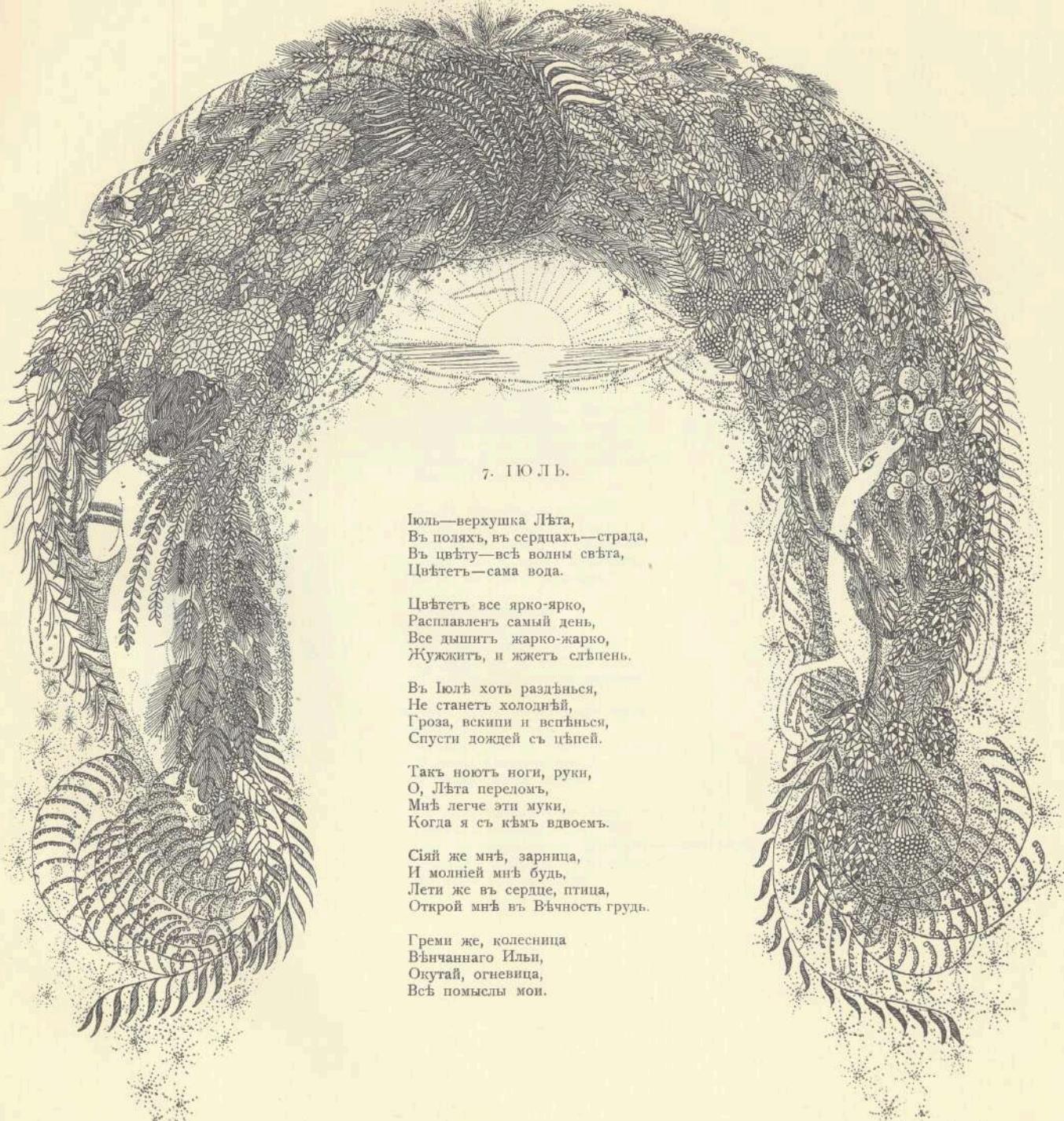

б. ЮНЬ.

Юнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просвѣтленная.
Кто родится въ Юнѣ, никакъ **одному** не сумѣть помочь;
Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза влюбленная,
Душа его будетъ безсонная.

Въ зеленомъ Юнѣ цвѣтутъ всѣ цвѣты,
Густѣеть осока прохладными свитками,
Бѣлѣеть купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
Дрема навѣаетъ вѣщательность сонной мечты,
О маленькомъ счастьи безмолвную рѣчъ съ маргаритками
Ведеть незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь ли ты?“
Цвѣтеть и влюбляеть ночная фіалка пахучая,
И рдѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
Кто въ Юнѣ войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его сладостно мучая,
Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
Эти сны, лепестки, и душа его станетъ пѣвучая,
Расцвѣченная, жгучая.

И въ Юнѣ, въ Иванову ночь,
Онь искать будеть папорть-цвѣтъ,
На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
На вопросъ, что, мелькнувъ, ужъ не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Дасть, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянія, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папорть-цвѣтъ, излучившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣсни задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала безсонная.

7. ИЮЛЫ.

Июль—верхушка Льта,
Въ поляхъ, въ сердцахъ—страда,
Въ цвету—всѣ волны свѣта,
Цвѣтеть—сама вода.

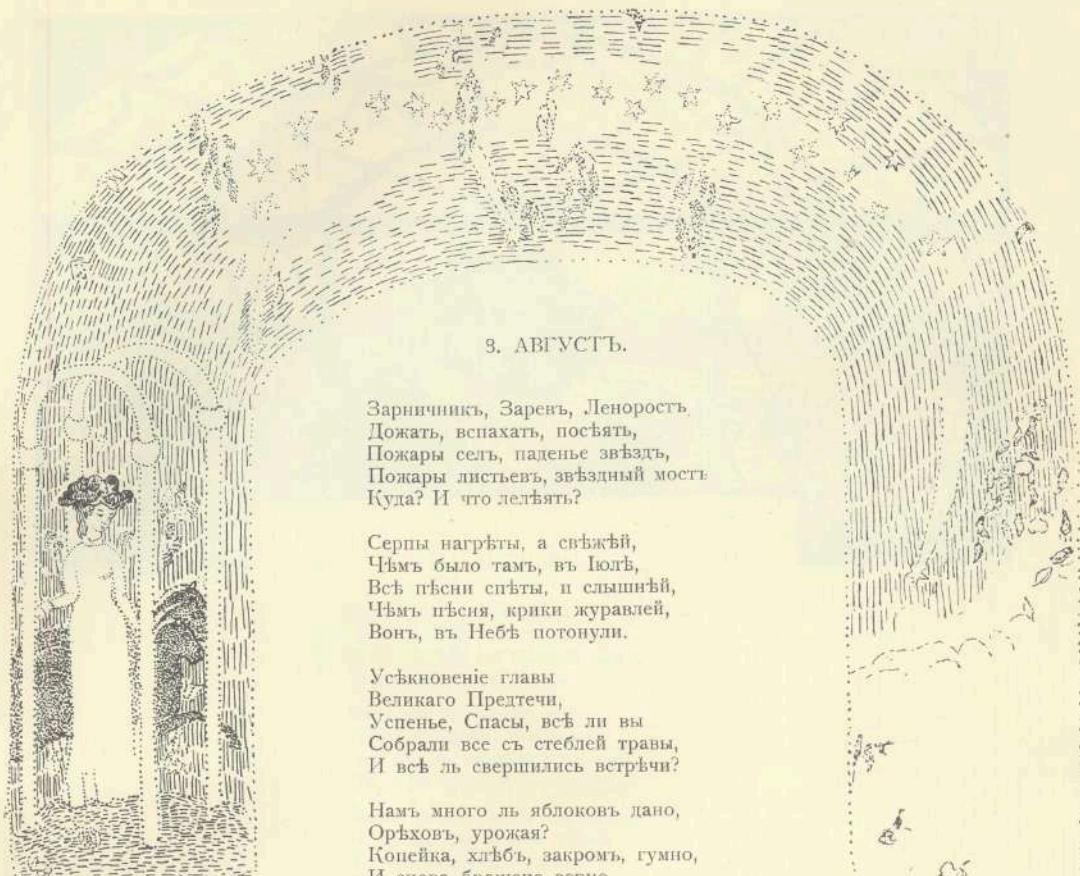
Цвѣтеть все ярко-ярко,
Расплавленъ самый день,
Все дышитъ жарко-жарко,
Жужжитъ, и жгетъ слѣпень.

Въ Июль хоть раздѣнья,
Не станетъ холоднѣй,
Гроза, вскипи и вспѣнья,
Спусти дождѣй съ цѣней.

Такъ ноютъ ноги, руки,
О, Льта переломъ,
Миѣ легче эти муки,
Когда я съ кѣмъ вдвоемъ.

Сияй же мнѣ, зарница,
И молией мнѣ будь,
Лети же въ сердце, птица,
Открой мнѣ въ Вѣчность грудь.

Греми же, колесница
Вѣнчаннаго Ильи,
Окутай, огневица,
Всѣ помыслы мои.

9. АВГУСТЪ.

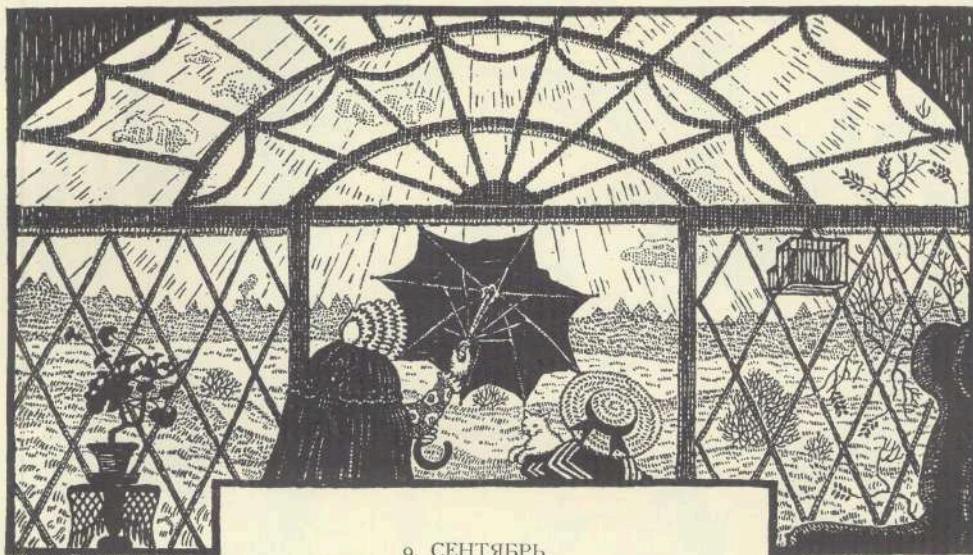
Зарничникъ, Заренъ, Ленорость
Дожать, вспахать, посѣять,
Пожары сель, паденье звѣздъ,
Пожары листьевъ, звѣздный мостъ
Куда? И что лелѣять?

Серпы нагрѣты, а свѣжѣй,
Чѣмъ было тамъ, въ Іюлѣ,
Всѣ пѣсни спѣты, и слышинѣй,
Чѣмъ пѣсня, крики журавлей,
Вонъ, въ Небѣ потонули.

Усѣкновеніе главы
Великаго Предтечи,
Успенье, Спасы, всѣ ли вы
Собраліи все съ стеблей травы,
И всѣ ль свершились встрѣчи?

Намъ много ль яблоковъ дано,
Орѣховъ, урожая?
Копейка, хлѣбъ, закромъ, гумно,
И снова брошено зерно,
И озимь—вотъ, живая.

Но были ласточки—и иѣть,
Цвѣтокъ пылать—и гдѣ же?
Онъ въ листьяхъ, въ мертвыхъ—пламецвѣть,
Стригутъ овецъ, и Годъ одѣть,
Но рѣже Солнце, рѣже.

9. СЕНТЯБРЬ.

М. ДОБУЖИНСКИЙ 1907.

Всё лёто проводили,
И какъ будто легче намъ,
Все скосили, въ полной силѣ,
Все пожали, по домамъ.

Вѣтерки отъ полуночи
Попрохладнѣй понеслись,
Это Осень смотрить въ очи,
Эй, Сентябрь, не холодись.

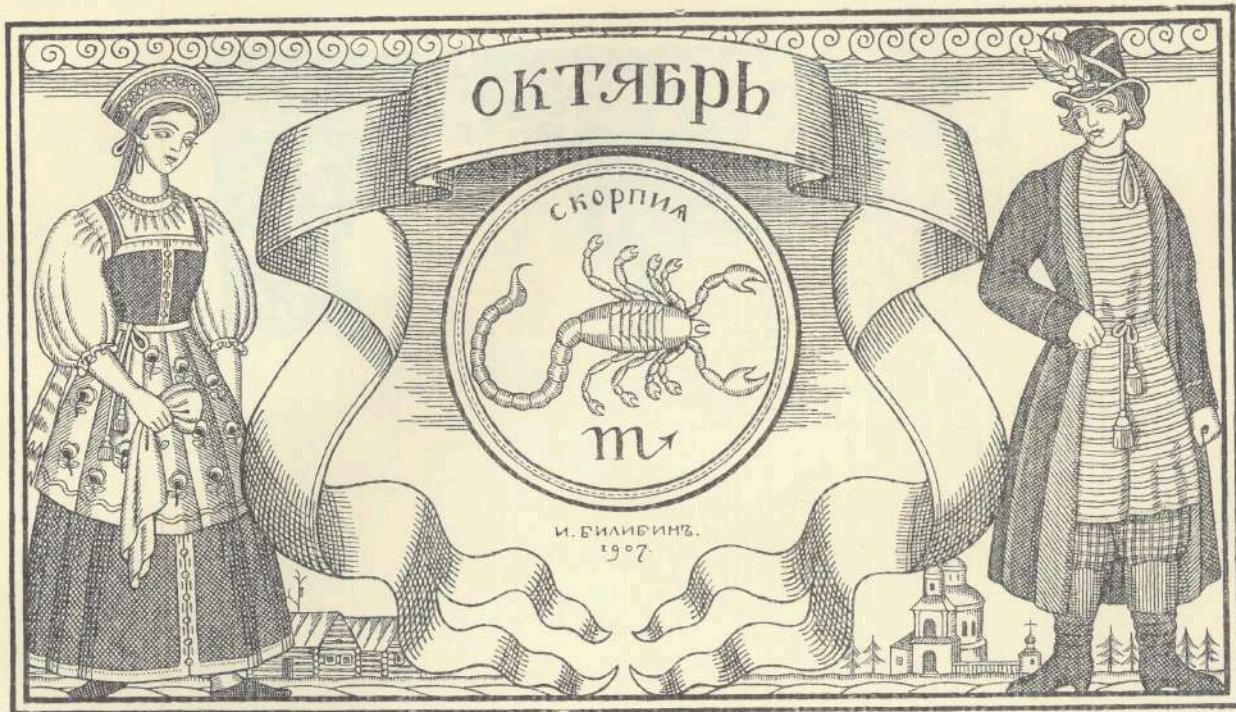
Хоть готовы намъ кафтаны,
И дрова для всѣхъ печей,
Ты въ ползучіе туманы
Лучъ послѣдній свой пролей.

Ишь, послушаль. Бабье лёто.
Двѣ недѣли есть тепла.
Паутинки въ морѣ свѣта,
Даль прозрачная свѣтла.

Золотые въ сердцѣ слитки,
Шутить Маємъ сѣдина,
Взгляды, первыя засидки,
Ты откуда, пѣсни, слышна?

Не рябина ли запѣла,
Что краснѣетъ красота?
Или отдыхъ послѣ дѣла?
Или Вздвиженье Креста?

Ужъ не знаемъ, только праздникъ,
Въ Небѣ, въ сердцѣ, золотой.
Эй, Сентябрь, да ты проказникъ,
Ну, всесвѣтникъ бабій, спой.

10. ОКТЯБРЬ.

Снѣгъ неизѣрный, листопадъ,
Свѣтлой Осени закать,
Пьяный Свадебникъ, оброкъ,
Закругляющійся срокъ.

Кто дожилъ до Октября,
Поработалъ онъ не зря,
Въ Октябрѣ, какъ въ Мартѣ, въ насы
Живо сердце, умы погась.

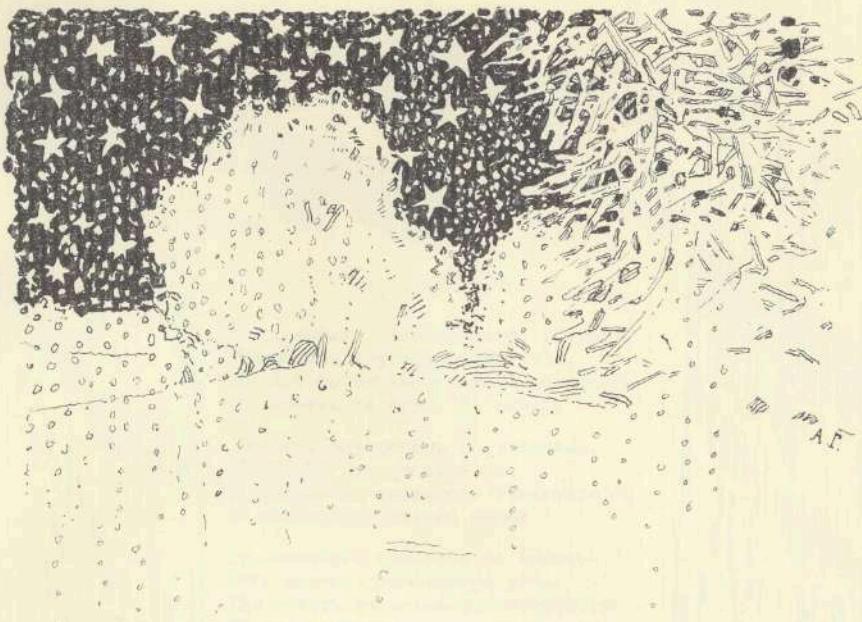
Въ Октябрѣ-то, примѣчай,
Хоть и грязь, а словно Май,
Вотъ какъ сваты будутъ здѣсь,
Путь означится мнѣ весь.

Земляники въ Октябрѣ
Не ищи ты по зарѣ,
А рябина—есть, горька,
Да сладка въ рукахъ дружка.

Не ищи ты и цвѣтовъ,
По зазимью, на Покровъ,
Да ужъ есть одинъ цвѣтокъ,
Мнѣ дружокъ сказаль намекъ.

Посылаетъ онъ, Покровъ,
Дѣвкѣ—сновъ, земль—снѣговъ,
Землю выбѣлить онъ тутъ,
Четко, въ церковь поведутъ.

Бѣлка смѣнить шерсть,—чиста,
Скрученъ ленъ,—дождусь холста,
Необлыжно зимой,
Знаю, милый, будень мой.

II. НОЯБРЬ.

Божий кузнецъ,
Дороги и рѣки кусть,
Зимъ изо льда онъ готовить ларецъ,
Алмазы вбиваєтъ въ холодный вѣнецъ,
Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
Звонко кусть,
Бѣлая кузница—міръ,
Весь оковаль,
Въ иней не разъ и не два одѣвалъ
Поле и лѣсь,
Кличеть мятели на пиръ,
Смотрить на яркія звѣзды Небесъ,
Словно и имъ онъ дороги мостить,
Звѣзды по снѣгу, и звѣзды воинъ тамъ,
Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвиститъ,
Мчится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
Снова—ковать, и гвоздить, и гвоздить,
Гробъ, что-ли, намъ?
Саваномъ бѣлымъ въ ночахъ шелеститъ,
Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

12. ДЕКАБРЬ.

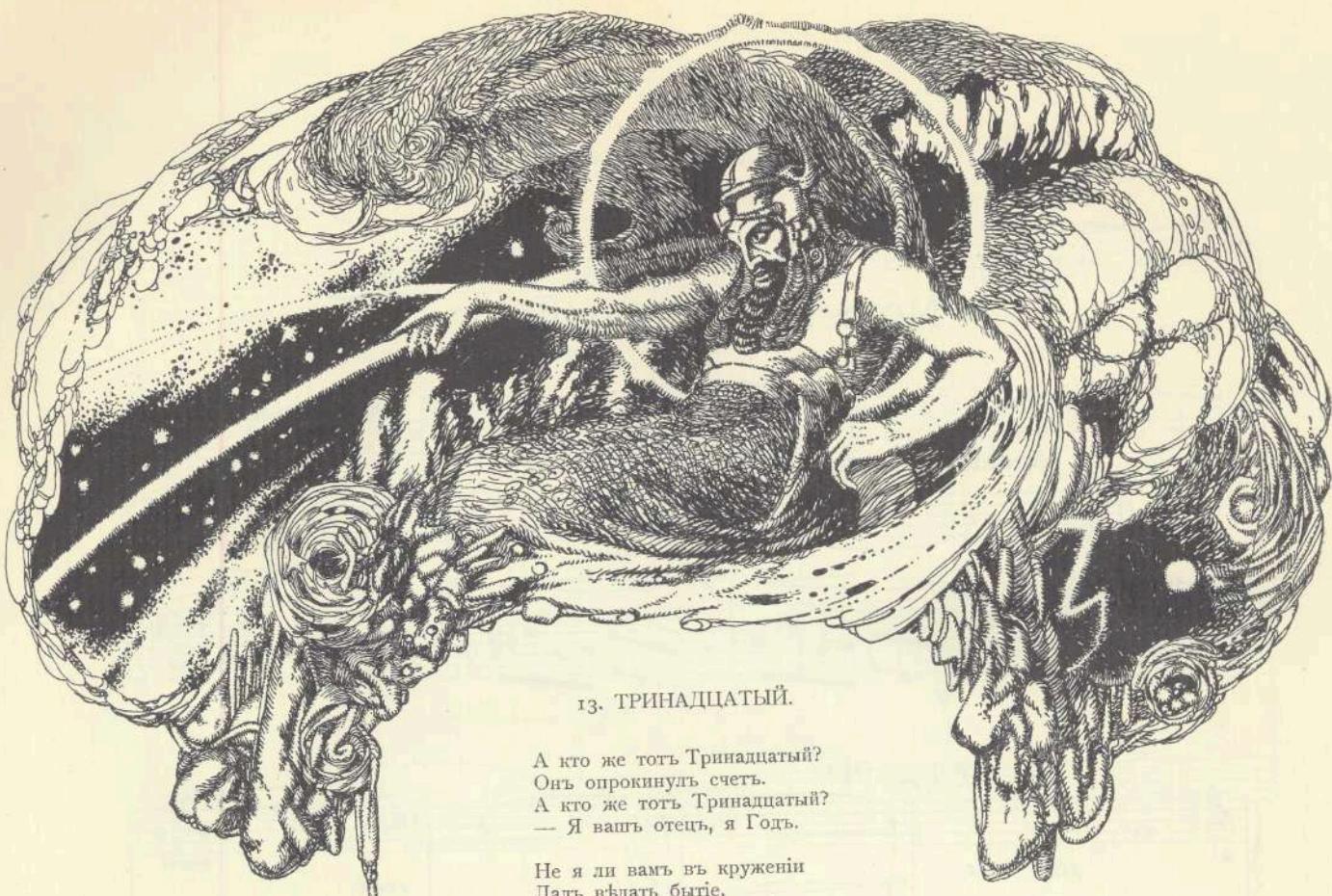
Все покрыль бѣлоспѣхъяньмъ уборомъ,
Завершилъ круговороти силь,
Вмѣсть съ звѣздами ходить дозоромъ,
Не забыть ли чего? Не забыть.

Усыпиль мертвцевоъ по могиламъ,
Почивайте до лучшаго дня,
И видѣнемъ скользить бѣлокрылымъ,
И проходить, пѣпами звения.

За Зелеными Святками въ Бѣлыхъ
Онъ ведеть приговорную рѣчь,
Предстаетъ въ зеркалахъ помертьѣлыхъ,
Въ заклинаны колдующихъ встрѣчъ.

И гадаетъ, пугаетъ, гадая,
И счастливитъ, вопросъ угадавъ,
И мѣняется сказка сѣдая
Надъ забвеньемъ загрезившихъ травъ.

Достигаетъ кратчайшаго свѣта,
И съ ночами ведеть хороводъ,
Повернетъ вмѣсть съ Солнцемъ на Лѣто,
Съ Новымъ счастьемъ, Земля, Новый
Годъ.

13. ТРИНАДЦАТЫЙ.

А кто же тотъ Тринадцаты?
Онь опрокинулъ счетъ.
А кто же тотъ Тринадцаты?
— Я вашъ отецъ, я Годъ.

Не я ли вамъ въ кружениі
Даль вѣдать бытіе,
Въ различномъ выявленіи
Различное свое?

И даль въ цвѣты вамъ—снѣжности,
И даль въ снѣга—цвѣты,
Свирѣль печали—въ нѣжности,
И звѣздъ для темноты?

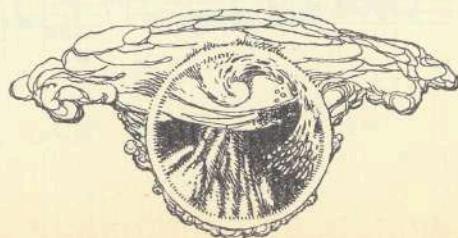
Не я ли даль вливаться вамъ
Изъ круга въ кругъ другой?
Не я ли даль сплетаться вамъ
Какъ радугой—дугой?

Не я ль вамъ даль свободными
Сквозь три и десять быть,
Со днями хороводными
Сквозь нечѣть четъ любить?—

Тринадцаты да славится,
Имъ весь оправданъ счетъ!
Въ вѣка вѣковъ да явится
Вѣнчаннымъ мудрый Годъ!

Да славится Тринадцаты,
Кѣмъ живъ нашъ хороводъ!
Да славится Тринадцаты,
Круговозратный Годъ!

К. Бальмонтъ.

и тутъ достигнута въ полной мѣрѣ чара видѣнія, осуществлялась колдовская власть вызвать словомъ цѣльную картину съ двойственнымъ смысломъ, съ неисчерпаемостью значенія и съ точнымъ перенесеніемъ зрящей мечты въ такой-то край, къ такимъ-то людямъ, къ такимъ-то существамъ. Вотъ я вижу сейчасъ, какое платье на дѣвушкѣ, и какъ она смотрить, и какія деревья кругомъ, и какого цвета брусики.

Ибо и тутъ, и тамъ совершилось таинство, не поглощеніе одного свѣта другимъ, и не торжество одного лишь свѣта, а перекрестная встрѣча двухъ.

Я сказалъ однако, что каждый полюсъ хорошъ въ своихъ достиженихъ. Если пользоваться моей терминологіей, можно ясно видѣть, что около того полюса, который я называю чувствомъ отдѣльной страны, сіяютъ такие драгоценные камни, какъ испанская поэзія, включая въ нее и театръ и романъ, ибо испанцы—поэты во всемъ, даже въ политикѣ, даже въ грабежѣ, даже въ мошенничествахъ. Лучшій историкъ испанского театра, графъ Фонъ-Шакъ, сказалъ, что испанская драмы—какъ испанская вина: хороши, но отзываются почвой, на которой ростъ винограда. Точно. Испанцы во всемъ строго национальны. Это самые безпощадные и самые неисклѣимые націоналисты. Испанская вина однако имѣютъ поклонниковъ не только въ Испаніи. Мнѣ приходилось ими усаждаться на дальнемъ сѣверѣ. И Донъ-Кихотъ такой испанецъ, что въ силу своего испанизма объѣхалъ весь свѣтъ. А если драмы Кальдерона не имѣютъ такого же успѣха, это не есть противъ нихъ возраженіе. Хорошо, что нѣкоторыя вещи не у всѣхъ побывають въ рукахъ.

Тотъ же полюсъ, который я называю чувствомъ отдѣльной личности, сіяеть ослѣпительно въ лирикѣ всѣхъ странъ. До своей математически-прекрасной законченности составляющіе его кристаллы доходили не разъ, но, думается мнѣ, всего ослѣпительнѣе и нѣжнѣе они горятъ въ безсмертныхъ словесныхъ празднествахъ Эдгара По, Мэтерлинка, Гейне и Фета. Это—лунные духи и это золотыя пчелы. Ихъ пѣсни и ихъ драматическіе крики—изъ той страны, где ужъ окончились страны, а надъ странами высится Страна Мечты, где яркіе цветы и темные улья. Гробообразные улья, въ которыхъ царитъ шестигранность и шестигранная келейка, наполняясь золотистымъ медомъ, образуетъ творческое Семь, чтобы сказать, что не даромъ жили цветы, что послѣ частныхъ сліяній звенящаго съ цветущими, крылатаго съ недвижимымъ возникла прозрачная сладость, и длинная свѣчи горятъ, вознося молитвенный дымъ.

К. Бальмонтъ.

Bois de la Cambre, Ixelles.
1907, ноябрь.

НАШЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ.

ЗАМѢТКА.

Когда начинаются разсужденія о литературѣ и поэтическомъ творчествѣ, мной овладѣваетъ мучительная скуча и беспомощная тоска. Безпомощная, ибо разсужденія вообще занятіе безплодное, сѣраго цвета, а разсужденія о поэтическомъ творчествѣ, которое по существу своему вѣнѣ способности разсуждающей, есть кромѣ того и занятіе ложное, лживое, недобросовѣстное. И помочь людямъ, которые добросовѣстно дѣлаютъ недобросовѣстное дѣло, невозможно.

Когда рѣчь идетъ о творчествѣ, можно говорить лишь о своемъ впечатлѣніи, а не вязать и разрѣшать. Можно говорить лишь о своемъ отвѣтномъ, отображенномъ, разбуженномъ, усложненномъ моей собственной личностью, обогащенномъ моей собственной личностью, новомъ, измѣненномъ, или вовсе новомъ, вновь родившемся, художественномъ впечатлѣніи. А критика, какъ критика, есть нонсенсъ. Критикъ какъ критикъ, есть всегда—или разбойничавшій журналистъ, или смѣшной подслѣповатый воспитатель, котораго не хотятъ и

не могут слушаться никакие воспитанники, кроме техъ, коимъ онъ обыкновенно и самъ не радъ, ибо чего можно ждать отъ послушной бездарности.

Разсуждающіе создаютъ рядъ безодержательныхъ и тяжеловѣсныхъ кличекъ. Будто бы формулы, а подъ формулы эти ничего не подведешь. Классикъ, реалистъ, лекадентъ, символистъ. Фехтовальная школа. Жонглерство словами. Игорный домъ понятій, игорный домъ, где крапленыя карты отнюдь не рѣдкость. Хотите, кроме этихъ кличекъ, я придумаю немедленно еще столько, сколько дней въ году? Нѣтъ. Отказываюсь, мнѣ ужъ и отъ этихъ скучно и тягостно.

Въ творчествѣ, въ истинномъ творчествѣ, для меня не то важно, къ какой школѣ принадлежитъ тотъ или другой писатель, а есть ли у него талантъ, и своеобразенъ ли этотъ талантъ. Одного этого слова еще недостаточно. Если я просто скажу — „хорошій конь“ — я ничего не скажу. Что такое хороший конь? И Русскіе битюги, и Фламандскіе тяжеловозы весьма хороши кони. Отъ нихъ далеко однако до понятія тонконогаго Арабскаго коня, являющаго ликъ бѣлонѣжнаго полета, или до темноцвѣтнаго Англійскаго скакуна, который весь — устремленная сила стали. Русскій битюгъ хорошъ, когда онъ везетъ сто пудовъ — или болѣе? — но скакать на немъ смѣшно. Рыцари однако же, кажется, скакали на Фламандскихъ коняхъ, не только на картинахъ Веласкеса. И я думаю, что рыцари бывали въ такія минуты смѣшны. Совершенно такъ же смѣшно и неумѣстно, когда такой напримѣръ, несомнѣнно большой, сильный, но тупой талантъ, какъ Золя, начинаетъ создавать трогательно-нѣжныя картины, или пытается разсуждать о томъ родѣ поэзіи, въ которомъ маэстро — Верлэнъ. Когда въ сферу такого несоответствія вступаетъ не только талантъ, но и своеобразный талантъ, и притомъ геніального размаха, результаты получаются еще болѣе убогіе (слонъ ли можетъ танцевать?) — и книга Льва Толстого объ Искусствѣ, или его разсужденіе о Шекспирѣ, принадлежать къ самымъ прискорбнымъ событиямъ въ Литературѣ.

Истинный талантъ, и талантъ своеобразный, въ соотвѣтственной ему обстановкѣ, вотъ, кажется мнѣ, основные моменты въ творчествѣ. Но чѣмъ талантъ сильнѣй, и чѣмъ онъ своеобразнѣе, тѣмъ болѣе для него возникаетъ возможности переплеснуть за свои берега. И тутъ всѣ рамки ломаются, и всѣ клички теряютъ смыслъ. Я неохотно назову Льва Толстого геніемъ, я скажу скорѣе, что это огромный талантъ, достигающій иногда геніальныхъ моментовъ. О Достоевскомъ же не буду сомнѣваться, знаю, что это геній, и

что такихъ было мало на Землѣ. Этимъ различіемъ между двумя нашими исполнителями объясняется, что Достоевскій, сразу, есть и то, что называютъ реалистомъ, и то, что называютъ декадентомъ, и то, что называютъ символистомъ, и еще, и еще. О чѣмъ бы Достоевскій ни заговорилъ, его слово четко, его достиженіе — какъ мѣткій арканъ индійца, его положенія неожиданны, каждый его замыселъ — острѣ. И онъ одинаково хорошо въ описаніи комнаты, и въ рѣчи къ Богу, въ политической статьѣ, и размышлены о стихахъ. Когда же Левъ Толстой начинаетъ говорить о Бодлэрѣ, онъ не умѣеть даже грамотно его процитировать, и когда онъ начинаетъ говорить о Богѣ, его плоскости возмущаютъ душу.

Въ большихъ крыльяхъ есть разныя перья, и разныхъ взаимо-соответствій. Въ малыхъ крыльяхъ — тоже разныя перья, но сопоставить ихъ, — не такъ ужъ они различествуютъ въ размѣрѣ, различіе только въ окраскѣ — для глаза, который лишь бѣгло смотрѣть. Но это не въ охужденіе малымъ крыльямъ. И колибри вѣдь птица малая, и два фейніе царя — соловей и жаворонокъ — не щеголяютъ размѣрами крыльевъ и тѣль.

Говорю это, дабы отъ великаго масштаба перейти къ малому, и заговорить о современной Русской литературѣ. То, что въ ней живого, почти цѣликомъ ограничивается поэтами. Прозаики, за двумя-тремя исключеніями, непристойны по своей повторности, по изношеннosti пріемовъ, по вульгарности своего языка. Одни имѣютъ талантъ, но не умѣютъ писать, другіе умѣютъ писать, но не имѣютъ таланта, или имѣютъ его въ ограниченныхъ размѣрахъ. Третіи, наконецъ, исчерпали себя, временно или навовсе. Оперный пѣвецъ Русской прозы, Леонидъ Андреевъ сталъ вчерающимъ днемъ, и потому его творчество какъ разъ подстать для большой международной публики. Для нея же, — хотѣть ли онъ того или не хотѣть, — пишетъ свои компилятивные романы Мережковскій. Зинаида Гиппіусъ безшумно увяла. Любопытны Зайцевъ и Ремизовъ, но не привлекаютъ вниманія. Въ томъ или иномъ смыслѣ можно назвать еще нѣсколько именъ. Но здѣсь нѣтъ живого дуновенія, отъ котораго бы радостно вздохнуль и сказалъ: „Весна“. Вотъ, развѣ Ремизовъ бросить иногда весенній цвѣточекъ, или Зайцевъ найти осеннюю травку, которая похожа на весеннюю. Мало. Почему мало? По причинамъ чисто-формальнымъ: нѣтъ большихъ талантовъ. Малый же талантъ можетъ дать большое и даже великое, если его обладатель сожжетъ себя въ горилѣ. Не многимъ хочется идти въ огонь, съ недостовѣрнымъ оттуда исходомъ.

Я не высокаго мнѣнія и о современныхъ Русскихъ поэтахъ. Однако я все чего-то отъ нихъ жду, и, кромѣ того, уже многіе дали что-нибудь, продолжаютъ давать: Брюсовъ, Сологубъ, Вячеславъ Ивановъ, Балтрушайтись, Блокъ, на минутку Кузминъ, на полминутки Городецкій зовутъ, влекутъ, и притягиваютъ. Брюсовъ, съ своимъ узко-ограниченнымъ, острымъ талантомъ, даль съ десятокъ замѣчательныхъ вещей, и много интересныхъ. Его „Крысоловъ“, Адамъ и Ева“, „Путь въ Дамаскъ“, „Крылья, крылья“ сіяютъ неувядющей красотой. Многія его пѣсни о городѣ даютъ ощущеніе стѣнъ, улицъ, и домовъ, и выдыханій домовъ, вѣнчанихъ и внутреннихъ. Но онъ подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ Уолтера Уитмана, Верхарна, Верлена, Уэльса, онъ такъ весь проникся многоразличными вліяніями Французской литературы, и иныхъ литературъ, что, когда начинаешь, для самого себя, выяснять, что есть собственно Валерій Брюсовъ, улавливаешь несомнѣнныи Брюсовскій тонъ, но въ смыслѣ элементовъ мало что находишь доподлинно Брюсовскаго. Я уже не говорю о совершенно ничтожныхъ его разсказахъ, и о компилятивномъ его романѣ, гдѣ онъ даже и Мережковскаго не можетъ досягнуть. Вячеславъ Ивановъ,—въ отдѣльныхъ достиженияхъ чрезвычайно сильный поэтъ,—въ общемъ представляеть какъ бы параллель къ Брюсову. Онъ—книжникъ. Онъ вобралъ въ себя, вѣ соотвѣтствія съ размѣрами и свойствами своей поэтической личности, столько разнородныхъ книжныхъ элементовъ, что они заслонили отъ него самого. И въ однихъ вещахъ это истинно-Русскій плѣнительный лѣсной поэтъ, въ другихъ въ огромномъ большинствѣ, онъ не болѣе какъ словесникъ-дистилляторъ. Такъ-таки и чувствуешь аптеку, и очень доброкачественные трубочки и пузырьки, наполненные смѣсими разныхъ эссенций, но до луга и лѣса довольно далеко. Сологубъ—дьяволоподобный схимникъ, и когда его слова звучать не слишкомъ часто, они интересны. Но по свойству своего обличія онъ часто говорить не долженъ, а то впечатлѣніе получается не искомое. Балтрушайтись печатался слишкомъ мало, но чувствуєшь, что это настоящій Литвинъ, соединеніе супровости и нѣжности, душа, которая мало говоритъ, оттого что много знаетъ, и особенно твердо помнить, какую форму принимаютъ кристаллы, когда застываютъ слезы. Блокъ неясенъ, какъ падающій снѣгъ, и какъ падающій снѣгъ, уводить мечту. Приведеть ли куда, не знаю, хорошо, что порою уводить ее. Городецкій—выпущеній изъ клѣтки щегленокъ. О немъ пока много говорить нечего. У Кузмина есть уже свой стиль, который я назову стилемъ имитациіи. Безъ иро-

ніи. Его „Комедія обѣ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ“, зачаровываетъ своимъ тонкимъ изяществомъ.

Есть еще цѣлый рядъ именъ. Есть, напримѣръ, совершенно вѣнчаное имя: Андрей Бѣлый. Стихотворецъ незначительный, весь состоящий изъ разрозненныхъ кусочковъ дошедшихъ къ нему и оттуда, и отсюда. Но—разудалый журналистъ. Проскользнутъ два-три чарующіе стиха Аделаиды Герцыкъ, Любови Столица, Маргариты Сабашниковой. И снова дверь, которая куда-то на мигъ пріоткрылась, нагло закрывается. И чувствуешь мутный осенний воздухъ.

Очего мутная осень? Причинъ много, но главныхъ, мнѣ кажется, двѣ: во-первыхъ, обычна—нѣть, или мало, крупныхъ талантовъ; во-вторыхъ сопутствующая—чрезвычайно много маленькихъ талантовъ и дарованьицъ, которая, обрадовавшись готовымъ формуламъ, безъ конца занимаются словеснымъ спортомъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Русскій стихъ еще не вѣдалъ той нервной жизни, какую онъ узналъ за періодъ послѣднихъ лѣтъ семи. Постепенно, въ соотвѣтствіи съ сложными внутренними переживаніями трехъ-четырехъ крупныхъ поэтическихъ личностей, надѣленныхъ даромъ безпрерывного внутренняго ритма, Русскій стихъ развился, усложнился, расцвѣлъ многопѣвными звонами, разукрасился яркими цвѣтами и золотыми округлостями, какія возникаютъ лишь въ богатыхъ садахъ. Этотъ расцвѣтъ далъ жизнь и возможность творчества цѣлому ряду малыхъ талантовъ, у которыхъ хорошая способность восприятія, но нѣть перерабатывающей способности созиданія, и нѣть соотвѣтствія между внутренними переживаніями и высокими задачами Искусства. Сказать ли? Слишкомъ часто нѣть никакихъ внутреннихъ переживаній, кромѣ самыхъ элементарныхъ. Змѣй показалъ Райское древо, но люди не стали богами. Нѣсколько сильныхъ змѣевъ родило много малыхъ змѣенышь, разныхъ, но свившихся въ одинъ спутанный клубокъ. И правда, если что поражаетъ въ Русскихъ поэтахъ нашего сегодня, такъ эта ихъ кружковая сплетенность въ одинъ клубокъ. А говорить о Б, Б говорить обѣ А и В, В говорить обѣ А и Б, и такъ далѣе, все другъ о другѣ. Какой-то пляшущій алфавитъ, исполненный самовосхваленія и чрезвычайного довольства собой. Ну, что-жъ. „Пусть такъ будетъ, какъ кто хочетъ“, говорить мудрый Вайнемайнэнъ. Красиво это или некрасиво, другой вопросъ.

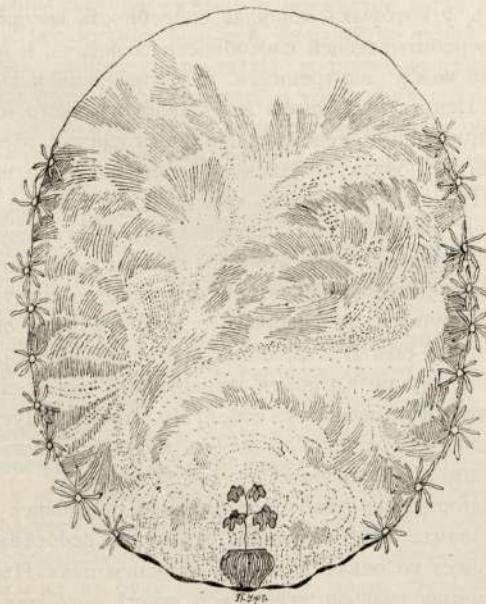
Мнѣ вспоминается нѣкоторое сказаніе, бродившее по разнымъ странамъ. Змѣи священны, это звѣри особенные, обожествлявшіеся во всѣхъ великихъ цивилизаций. И красива одна цвѣтистая сильная змѣя, а есть кромѣ того еще и пра-

здникъ змѣй, когда они свиваются въ могучий клубокъ. Это бываетъ въ яркій день Осени, отмѣченный въ тайныхъ рунахъ, въ глухомъ лѣсу, надъ глубокимъ озеромъ, надъ страшнымъ лѣснымъ глянцевитымъ прудомъ. Змѣи свиваются, они извиваясь являютъ ликъ многоликаго грознаго существа, мелькаютъ зеленымъ свѣтомъ и синимъ, и всѣми другими свѣтами, и сплетаются жалами, и ликуютъ въ змѣиномъ торжествѣ, а въ此刻и, прежде чѣмъ онъ успѣеть прозвѣнѣть, расходятся, и тамъ, гдѣ сплетались змѣиня жала, остается на землѣ великий цѣнныи изумрудъ. Такихъ изумрудовъ, въ каждомъ вѣкѣ, и въ каждой странѣ, немнога. Змѣи расходятся, и послѣ праздника живутъ, каждая своей отдѣльной змѣиной извивною жизнью, и по—отдѣльному бываетъ красива каждая. Но если такое змѣиное таинство случайно, неполно, подсмотрѣть змѣеныши, они тоже свиваются клубкомъ на берегу пруда. И ликуютъ, покуда въ тотъ прудъ не свалится, или пока не промчится мимо крылатая хищная птица, которая боится трогать змѣй, но истребляетъ быстро змѣенай.

Притчи хороши безъ истолкованій, и я кончаю, подтверждивъ, что я очень люблю змѣй.

К. Бальмонтъ.

1907. Ноябрь. 13 с. с. Ixelles.
Bois de la Cambre.

КЪ ЭТИКѢ ПОЛА.

„Вначалѣ былъ поль. Ничего, кромѣ него, и все въ немъ одномъ“.

Этими словами, семнадцать лѣтъ тому назадъ, я началъ свою первую книгу и эти же слова я повторяю сегодня, когда половой вопросъ болѣе чѣмъ когда-либо у мѣста, — повторяю съ еще большей твердостью.

И въ самомъ дѣлѣ, поль — та *ձօրֆօս օլտ*, безформенная матерія, которая истекла изъ Слова—эмманаций высшаго бытія—и создала міръ.

Чѣмъ быть бы человѣкъ, если бы чувствъ его не питала пламенная мощь любви, если бы *էրօս* и *ւելլօս*, нераздѣльносіе pile и face одного и того же элемента, не разсѣивали, не сосредоточивали, не вызывали къ жизни изъ таинственныхъ глубинъ невѣдомыя и непостижимыя силы?

Поль вызвалъ въ горлѣ человѣка первые протяжные звуки, разлилъ ихъ мелодіей въ пѣнномъ ритмѣ сердца, расчленилъ на ревъ, вой, хрюкъ боли, взвизги ненависти, крики любви, ропотъ зависти, глухіе, сдавленные крики радости и восторга.

Поль создалъ Слово.

Онъ разлилъ въ мускулахъ человѣка неизсякаемую мощь. Онъ далъ ему въ руки суковатую палку, когда пришлось бороться съ соперникомъ изъ-за самки, онъ умножалъ до безконечности его силы, когда человѣку приходилось обеспечить жизнь своей самки и лѣтеныша, онъ заставлялъ его вырубать дѣвственные лѣса и вспахивать лоно земли, задерживать теченіе рѣкъ, укрощать моря и завоевывать горы.

Поль разбудилъ мозгъ, заставилъ его въ кровавыхъ, не-выразимыхъ мукахъ трудиться страшнымъ и непосильнымъ трудомъ, научилъ его хитрости и коварству, чтобы крадеть у боговъ огонь съ неба, бѣшеной отвагѣ, что бросила Пелонъ на Оссеу и стала братъ приступомъ врата рая.

Поль зачалъ творчество.

Онъ ворвался въ сердце человѣка, наполнилъ его все, вызвалъ въ человѣкѣ желаніе, чтобы всѣ были также счастливы, какъ онъ въ святомъ упоеніи наслажденія; поль воспламенилъ въ сердцѣ человѣка жажду видѣть, какъ весь міръ веселится вмѣстѣ съ нимъ и поеть великій гимнъ наслажденія и счастья. Онъ внушилъ человѣку приглашать гостей на пиръ его жизни.

Поль создалъ и жалость и состраданіе, создалъ отца-матерь, брата-сестру, соединилъ родственными узами весь родъ человѣческій, узами крови; и въ то же время